

Кристалинский Л.Б.

Дореволюционная миграционная политика России как фактор реализации интересов государственной безопасности в полиэтничном пограничном пространстве

Кристалинский Леонид Борисович, кандидат политических наук, докторант Национального института бизнеса (Москва)

E-mail: kris-leon@hotmail.com

В статье в ретроспективном плане рассматривается политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве; внимание акцентируется на проводимой государством миграционной политике как на факторе снижения уровня угроз государственной безопасности в многонациональном приграничье.

Ключевые слова: этнополитика, государственная безопасность, пограничное пространство, приграничный регион, миграционная политика.

Историко-политологический анализ развития пограничного пространства России показывает, что многие из современных этнополитических проблем, характерных для порубежья, имеют глубокие исторические причины. Тем самым определяется целесообразность исследования специфики реализации интересов государственной безопасности в условиях многонациональности приграничных регионов и поиска возможностей учёта соответствующего исторического опыта. Формат статьи позволяет рассмотреть лишь некоторые исторические примеры, на основе которых можно сформулировать определённые выводы о выработанных в дореволюционный период способах учёта полиэтничности приграничья в реализации интересов государственной безопасности. Поэтому внимание будет акцентировано только на одном аспекте: вопросах, связанных с миграционной политикой государства, проводившейся в отношении приграничных территорий.

Необходимо учесть, что и количественные, и качественные параметры российского пограничного пространства неоднократно изменялись. Увеличивалась или уменьшалась его протяжённость с севера на юг и с запада на восток, возрастала или снижалась его площадь, менялось количество административно-территориальных образований у границы, не был постоянным перечень этносов и соотношение численности их представителей в приграничных регионах и др. С изменением характеристик порубежья трансформировалась и специфика реализации в нём интересов государственной безопасности, понимание которой также не было постоянным. В сравнении с различными этапами российской истории современное содержание категории «государственная безопасность»¹ претерпело существенные изменения. Тщательный ретроспективный анализ концепции и идеологии государственной безопасности России, который провели историки из Саратовского государственного социально-экономического университета², также подтверждает данный тезис.

Однако мы полагаем, что государственная безопасность вне зависимости от исторического периода проявляется как свойство сохранения в константном виде базовых принципов существования политического строя при любых внешних и внутренних негативных воздействиях на него. Являясь отображением самостоятельности державы, как геополитического субъекта, государственная безопасность обуславливает возможность развития страны, модернизации её системы управления, прогресса в экономической, военной, социальной, культурной и др. сферах.

История России позволяет видеть, что одним из эффективных механизмов защиты от угроз государственной безопасности являлись политическая, экономическая, военная, демографическая и др. виды экспансии. Нарастание потенциала этих фундаментальных для развития российского государства составляющих детерминировало необходимость расширения территории страны. Уже с XVI в. данный процесс стал стержнем российской геополитики. По нашему мнению, сама возможность реализации экспансионных интересов во многом наполняла содержание государственной безопасности.

¹ Подробнее об этом см.: Кристалинский Л.Б. Государственная безопасность России в пограничном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 132–146.

² См.: Государственная безопасность России: История и современность / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 4.

В свою очередь, масштабные пространственные приобретения становились деструктивным фактором внутривнутриполитической стабильности государства. Источниками угроз нередко выступали этнополитические противоречия в среде становящегося всё более многонациональным российским населением. Закономерно, что по распространённости «иноэтничного населения» максимально негативный этнополитический потенциал сосредотачивался на «окраинных» землях. Следовательно, в рамках историко-политологического анализа пограничного пространства допустимо рассматривать в аспекте противодействия в нём негативным внешним и внутренним этнополитическим факторам, препятствующим устойчивому развитию страны.

Вряд ли можно сказать, что понимание российской властью сложности управления многонациональным населением когда-либо отсутствовало. Вместе с тем, надлежащую политическую практику нельзя было назвать достаточной. Соответственно, в большей или в меньшей степени, но потенциальная возможность посягательств на государственную безопасность, вызванных этнополитическими противоречиями, никогда не исчезала, что было особенно показательным для приграничья.

Исследование учёта в практике государственного управления национальной специфики пограничного пространства в интересах обеспечения устойчивого развития державы, по нашему мнению, следует начать с XVI в. Немаловажным представляется то, что этот же исторический этап выделяют эксперты, говоря об исследовании особенностей формирования и развития системы обеспечения национальной безопасности: «Именно в тот период были заложены основы внутренней и внешней политики Российского государства, которые повлияли на основные черты и тенденции ее дальнейшего развития»¹.

К середине XVI в. возникла необходимость оградить Московское государство от посягательств враждебных «осколков» распавшейся Золотой Орды. Искоренение угрозы от ближайших достаточно сильных в военном отношении государств русский царь Иван IV видел в нанесении упреждающих ударов по потенциально опасным «соседям». В 1552 г. русские войска взяли Казань, спустя 4 года в состав России вошло и Астраханское ханство.

Однако разрешение проблемы внешней военной опасности путём устранения (поглощения) субъекта-носителя трансформировало её внешнеполитический характер во внутривнутриполитическую сферу. Говоря о последствиях этого иноэтничного «вливания» в национальный состав российского государства, историк И.Н. Данилевский справедливо отмечал: «Иван IV внёс в этническую монотонность новые цвета. Бывшие татарские ханства существенно увеличивают долю нерусского населения в составе царства; усложняется и конфессиональная жизнь. Именно с этого периода центральная власть впервые столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике этноконфессиональные факторы»².

Приращение территории страны обуславливало необходимость её административного обустройства и обеспечения реализации в её пределах власти московского царя. В числе других мер (формирование системы управления, попытки христианизации поволжских народностей, расширение военной инфраструктуры, привлечение к сотрудничеству с российской администрацией представителей коренного населения и др.³), призванных решить проблемы закрепления за российским государством приобщённых территорий, стала формироваться и развиваться переселенческая (миграционная) политика.

Значительную роль в снижении деструктивного для политической системы России потенциала в её вновь образуемых пограничных пространствах сыграло перемещение на них русского населения. Например, относительно Поволжья И.П. Ермолаев отмечает, что изменения этнического состава вследствие переселения и физического уничтожения татарской элиты, а также миграции русских «служилых людей» на новые земли уже к середине 60-х гг. XVI в. стало весьма заметным. А в левобережной части Казанского ханства число русских землевладельцев втрое превышало количество коренных феодалов⁴.

Последующее движение русских землепроходцев в Сибирь и присоединение к России новых земель неизменно приводило к тому, что этнически приграничье приобретало многонациональный характер с преобладанием нерусского населения во вновь образующихся приграничных регионах. Закрепление российской власти в них требовало увеличения русских жителей. Например, говоря о Сибири, В.В. Кирьяков небезосновательно констатировал: «Подчинение покоряемых инородцев, ввиду малочисленности русских в краю, нельзя было считать прочным»⁵.

Несмотря на относительно небольшую численность русского населения, российское государство уже в XVI в. могло использовать часть людского потенциала для осуществления демографической экспансии. Например, о распоряжении московского правительства переселить в 1590 г. 30 семейств пашенных крестьян из г. Соль Вычегодская в Сибирь упоминается в «Историческом обозрении Сибири» историка П.А. Словцова⁶.

Необходимо признать, что помимо государственной целесообразности и политической воли правительства существенную роль в миграции русских в Сибирь, играла и личная заинтересованность переселенцев. Как отмечал ещё во второй половине XIX в. А.И. Манькин-Невструев⁷, казакам, осваивавшим новые земли, содействовали

¹ Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. Издание второе, дополненное / Под общ. ред. А.В. Возженикова. М.: РАГС, 2008. С. 81. См. также многочисленные публикации по данному вопросу В.В. Трепавлова.

² Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 38.

³ Подробно об этом см., в частности: Тынянова О.Н. Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитических процессах. Дисс. ... к.полит.н. М.: ПА ФСБ России, 2008.

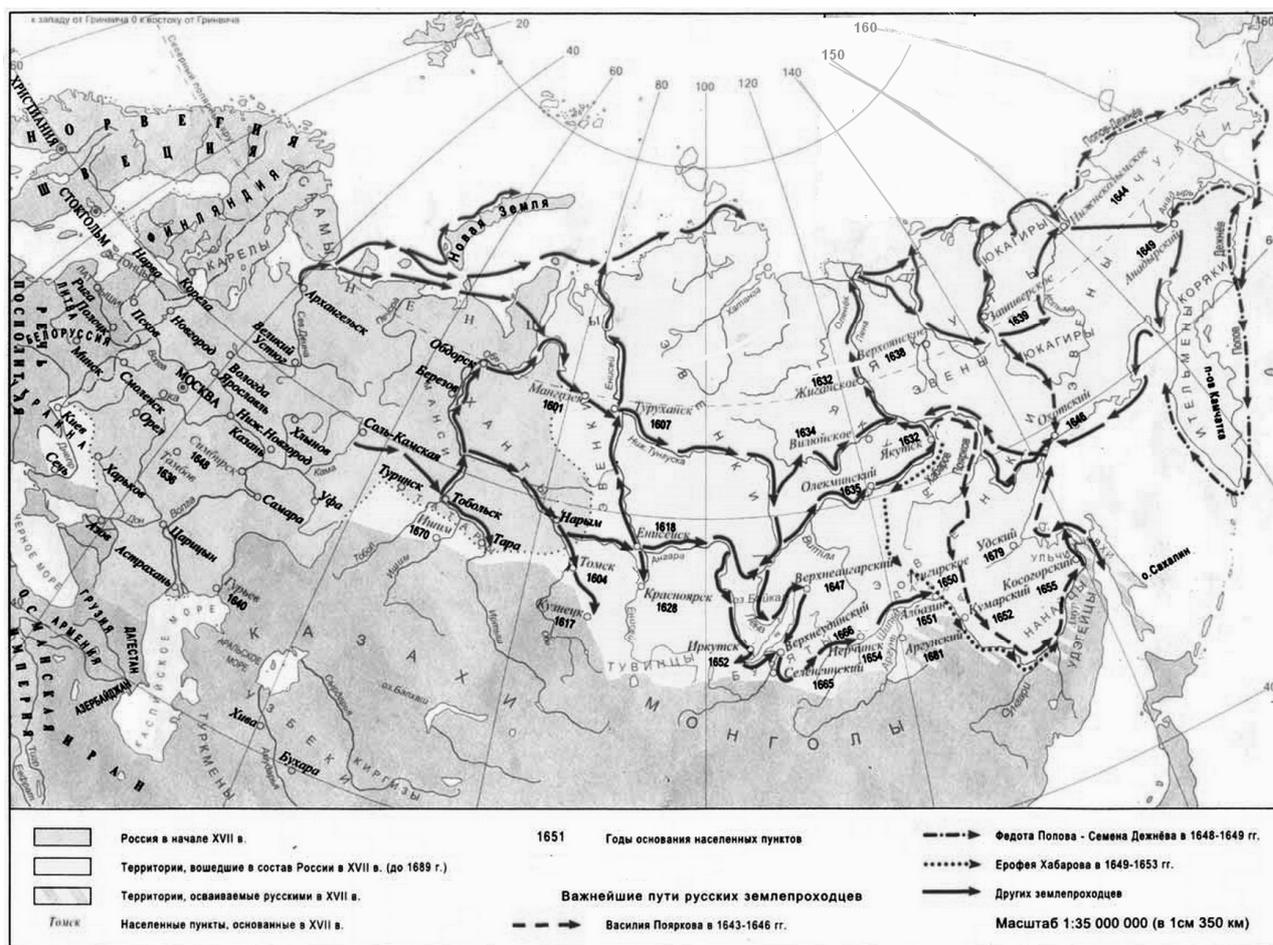
⁴ См.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982. С. 62–70.

⁵ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 22.

⁶ См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая, с 1585 до 1742 года. М., 1838. С. 3.

Словцов (Слопцов) Пётр Андреевич (1767–1843) – автор статей и отдельных брошюр по истории и географии Сибири, поэт.

⁷ Манькин-Невструев Александр Иванович (1834–?), генерал-майор (1875), генерал-лейтенант (1890), выпускник Академии Генерального штаба (1859), участник Крымской 1853–1856, Кавказской 1860–1863 и русско-турецкой 1877–1878 войн, военный историк. С 1871 – помощник начальника штаба войск Кубанской области, с 1872 – начальник штаба 3-й пехотной дивизии, помощник начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа (1876), начальник штаба Гренадерского корпуса (1877), с 1889 – начальник штаба Казанского, в 1889–1895 – Одесского военных округов.

Пути продвижения русских землепроходцев в Сибирь и на Дальний Восток в XVII в. С сайта http://economic.ispu.ru/history/part1/05tema5/kart5/territoria_files/image001.jpg

промышленники «ради приобретения и корысти». Исследователь писал, что, например, в Якутском остроге, куда «русские стекались весьма заметно», уже в 1633 г. было, «считая казаков, промышленников и торговых людей около 200 человек»¹. В дальнейшем масштабы миграционного процесса наращивались².

Интересы упрочения российской власти в новых землях требовали не просто их заселения представителями государствообразующего этноса, но соблюдение при этом определённой профессионально направленной системы и очередности. Эксперты отмечают: «Сибирь заселялась, с одной стороны, служилыми людьми, выполнявшими функции государственного управления, обороны и «объясачивания»; с другой стороны, за Урал переходили русские крестьяне, привлечённые местными просторами, богатыми угодьями и отсутствием здесь крепостного права»³. Данный порядок переселенческого движения вполне соответствует тезису, которым историк Г.Ф. Чиркин обозначил целесообразность массовой миграции крестьян в Сибирь: «Только то расширение территории русского государства оказывалось прочным, при котором за воином шёл пахарь, за линией укреплений вырастала линия русских деревень»⁴. И уже в 1719 г. не менее 70% населения Сибири составляли русские поселенцы⁵.

Якутский острог. Гравюра из книги Н. Витзена «Северная и Восточная Татария», конец XVII в., Голландия (по: Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 34–42)

¹ Манькин-Невструев А.И. Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки. Очерк. М., 1883. С. 18.

² См.: Ладвинский М.Ф. Переселенческое движение в России // Исторический вестник, 1892. Т. 48. № 5. С. 450; Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. С. 95–100.

³ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kungegrad.narod.ru/1/401.htm>.

⁴ Чиркин Г.Ф. Указ. соч. С. 85.

⁵ См.: Склярова Т.В., Тукиш В.А. Педагогический аспект просветительской деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в контексте социокультурной обстановки в России в XIX в. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 2 (29). С. 82.

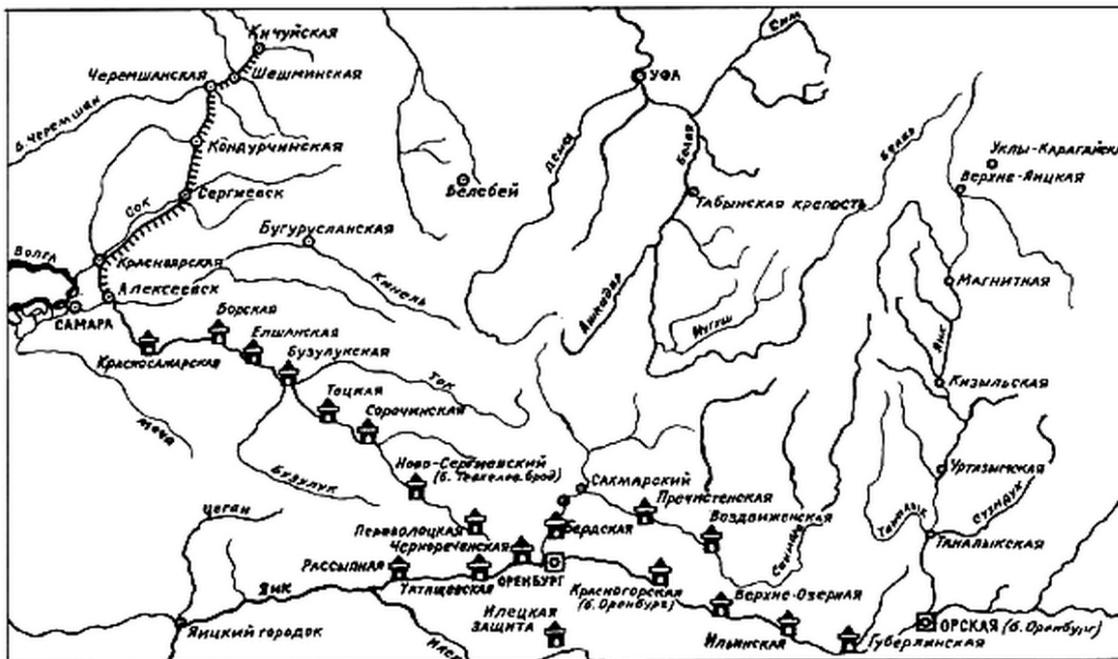
Следует отметить, что в организации заселения сибирских земель было предусмотрено недопущение предпосылок для возможного нанесения ущерба политическому строю. В том числе по этой причине в новом пограничном пространстве в 1714 г. выделяется учреждение в «содействие губернаторскому правлению» фискалов по губерниям и провинциям, для разведывания «безгласных преступлений и злоупотреблений», которым удавалось проникать «в черноты и неправды»¹.

Определённый риск для государственной безопасности в колонизируемых землях представляла и широко-масштабная принудительная миграция неблагонадёжных в политическом отношении российских граждан (в значительной мере – ссыльнокаторжные, уголовные и политические). Осознавая негативный потенциал данного переселяемого контингента, правительство старалось максимально снизить возможный ущерб от него государственной безопасности в пограничном пространстве. Установки самодержавной власти в данной сфере иллюстрирует вышедший в 1799 г. указ «О заселении земель между Байкалом, рекою Верхнею Ангарою, Нерчинском и Хяктою отставными солдатами, ссыльными и помещицами крепостными людьми, отдаваемыми в зачет рекрутов» предусматривался план поселения. В нём, как обращает внимание В.В. Кирьяков, «государственных поселян [добровольно поселяющиеся в Сибири отставные солдаты – Л.К.] повелевалось расселять ближе к границе, а ссыльных – внутри края»².

С присоединением новых территорий пограничное пространство перемещалось на их площадь и для снижения возможности посягательств на политический строй империи со стороны местного населения требовало повторения русификации, практиковавшейся прежде. Данный процесс наряду с долговременными задачами демографической и экономической экспансии являлся одним из важных факторов разрешения проблемы государственной безопасности в военной сфере.

В Сибири немногочисленность местных племён, их разрозненность и несогласованность взаимодействий не способствовали возрастанию масштаба военной угрозы для державы. Но частые нападения на российские форпосты, человеческие жертвы, экономический ущерб обуславливали скорейшую необходимость её искоренения. Иллюстрацией разрешения обозначенной проблемы является, например, покорение кочевников так называемой Киргизской степи.

Значительную роль в процессе распространения суверенитета Российской империи на Киргизскую степь играла последовательная русификация этой территории. Количество крепостей в Оренбургской линии укреплений непрерывно возрастало в южном направлении. Это движение увеличивало численность русских «служилых людей» в регионе и повышало эффективность борьбы с военными выступлениями против России степных жителей. Закономерно, что при этом расширялись территории, контролируемые российской администрацией, и закреплялись новые пограничные рубежи империи.

Карта крепостей Оренбургской линии во второй половине XVIII в.
(по: Буканова Р. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. Уфа, 1997)

Документальное отражение отмеченного процесса нашло в изданном в 1822 г. «Уставе о Сибирских киргизах»³. В этом документе в Киргизской степи выделяется собственно «пограничное пространство», которое в соответствии с §12 именуется «пограничные округа». В.В. Кирьяков, анализируя содержание этого документа, а также специфику его практической реализации и социально-политические последствия, отмечал, что образование пограничных округов «было поставлено в зависимость от поступательного движения казачьих отрядов

¹ См.: Словцов П.А. Указ. соч. С. 347, 389.

² Кирьяков В.В. Указ. соч. С.52.

³ Устав о сибирских киргизах, 1822. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fiimo.ucoz.kz/forum/7-61-1>.

вглубь степи». Он не просто привёл конкретные статистические данные, подтверждающие значительный масштаб переселенческого процесса, но и обращал внимание на совершенно однозначное понимание российской власти в отношении Киргизской степи, что «окончательное замирение края может наступить только тогда, когда дикое кочевое население смешается с русским и делается оседлым».

Характерно, что увеличение доли русского населения в этом регионе производилось, в том числе и за счёт жителей западно-сибирских земель, которые в недалёком ещё прошлом и сами являлись приграничьем. И.Л. Экарева относительно цели русификации приобретаемых территорий вполне справедливо заметила: «Для укрепления имперских земель надлежало, помимо решения военных и административных задач, создать необходимую критическую массу русского населения, которое и станет демографической опорой государственной целостности»².

Полагаем, что Западная Сибирь являет собой пример достижения цели, существо которой сформулировано И.Л. Экаревой. Там была создана та самая «критическая масса русского населения», которая стала в полной мере «опорой государственной целостности» не только относительно самого региона, но и с точки зрения дальнейшей экспансии России. Можно констатировать, что закрепившись, как российская территория в юридическом, административном, демографическом и других аспектах, Западная Сибирь сама стала «донором» людских ресурсов для вновь сформированного империей пограничного пространства, чего требовали интересы государственной безопасности.

Следует также обратить внимание и на вектор славянской общности в процессе демографической экспансии Российской империи. Резервы людских ресурсов, способных быть «опорой государственной целостности» изыскивались в украинских и белорусских землях. Так, Г.Ф. Чиркин приводит любопытные статистические данные, свидетельствующие, что с 1896 по 1911 гг. «43% всех переселенцев – выходцы из губерний малороссийских, юго-западных и южных»³.

Единые славянские корни давали веское основание правительству рассматривать украинцев и белорусов в качестве консолидированной с великороссами основы колонизации Сибири и Дальнего Востока. Показательны в этой связи факты причисления к Сибирскому казачьему войску в 1849 г. «нескольких тысяч малороссов из Полтавской губернии», формирование в Сибири нескольких полков из «беглых российских подданных, вывезенных из Польши», поселение в 1770 г. также на сибирских линиях ссыльных запорожцев⁴.

Не менее масштабными были миграции украинцев и белорусов на Дальний Восток. Известный исследователь этнодемографических процессов А.П. Георгиевский подчеркивал: «...если поставить вопрос, какая из трех традиций – украинской, великорусской и белорусской является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить»⁵. Статистическое обоснование этому содержится в исследовании И.Л. Экаревой, которая приводит следующие данные: «В Приморье с 1858 по 1914 гг. прибыло 22122 крестьянских семьи, из них 69,95% составляли выходцы из Украины [Малороссии и Новороссии – Л.К.]. В Южно-Уссурийском крае их доля достигала 81,26% крестьян переселенцев, тогда как русские составляли 8,32%, а белорусы – 6,8%»⁶.

Нельзя утверждать, что миграции крестьянского населения в Сибирь были постоянно одобряемы и даже поощряемы правительством. Как было отмечено, этап активной колонизации был целесообразен в большей степени в политическом аспекте, так как необходимо было закрепление новых территорий за империей, что вряд ли было возможно без существенного увеличения доли русского населения. С военной точки зрения, в интересах противостояния возможной внешней опасности для государства важно было создать необходимый мобилизационный резерв благонадежного местного населения на территориях удалённых от густонаселённых центральных регионов страны. В хозяйственном аспекте не менее важным было формирование достаточных для решения экономических задач трудовых ресурсов, то есть повысить плотность населения вообще и в приграничье в частности.

Однако со временем указанные первоочередные задачи были решены. Если в 1719 г. (первая ревизия) в Сибири насчитывалось 241 тыс. душ мужчин (коренного населения из них 169 тыс.), то к 1858 г. – 1356 тыс. (коренного населения из них 315 тыс.)⁷. При этом в результате продолжающейся территориальной экспансии России стали формироваться новые пограничные пространства, а прежние стали являться внутренними регионами империи.

После отмены крепостного права в 1861 г. возрастающий миграционный поток в Сибирь (а равно отток трудовых ресурсов из европейской части страны) стал создавать экономические проблемы соответствия трудовых ресурсов потребностям в них. Это наблюдалось как в центральных губерниях, так и на местах являвшихся целью движения крестьян. Государство стало подходить к организации миграции более жёстко, нередко ограничивая её.

Показательно, что указанное ужесточение не коснулось тех приобщённых к империи территорий, которые оставались приграничными. Данный тезис подтверждается относительно киргизских степей, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, Алтайского Горного округа, но в первую очередь порубежья Дальнего Востока. Ведь присоединённые к Российской империи по Айгунскому и Тяньцзинскому трактатам (1858 г.) и Пекинскому договору (1860 г.) Приамурье и Приморье были довольно безлюдными территориями. По мнению А.Ф. Будищева, на всём этом пространстве на этапе установления власти российского самодержавца проживало не более 10 тыс. чел.⁸.

¹ Кирьяков В.В. Указ. соч. С. 64.

² Экарева И.Л. Из истории колонизации России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1 (139). Экономика. Вып. 17. С. 98.

³ Чиркин Г.Ф. Указ. соч. С. 99.

⁴ См.: Вахрушин С.В. Исторический очерк завоевания Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. С. 55.

⁵ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929. С. 9.

⁶ Экарева И.Л. Указ. соч. С. 100.

⁷ См.: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 264–265.

⁸ Будищев А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. 2-е изд. Т. 5: Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. Хабаровск, 1898. С. 3–49.

Благовещенск. Большая улица, западная часть.
Blagowestschensk. Grosse Strasse, westlicher Stadtteil.
Благовещенск. Большая улица. Почтовая открытка конца XIX в.
С сайта <http://culturemap.ru/?region=69>

Казачья семья в Приамурье. Фото конца XIX – начала XX в.
С сайта <http://chernecov-vm.livejournal.com/6610.html>

Мы полностью разделяем мнение В.В. Кирьякова, утверждавшего, что во второй половине XIX в. государственная миграционная политика в Сибири и на Дальнем Востоке наряду с экономическими обстоятельствами была вызвана «соображениями чисто политического характера». Именно такой подход позволял изыскивать варианты разрешения проблемы реализации интересов государственной безопасности в приграничье. Одним из таких вариантов стала структура заселения дальневосточного пограничного пространства: «В долинах р. Амура и его притока р. Усури, в политических соображениях, поселено было 14 тыс. казаков Забайкальского войска и до 2500 человек из штрафных нижних чинов корпуса внутренней стражи. В 1861 г. из них основано было Амурское казачье войско, часть которого в свою очередь уже в 1889 г. была выделена в самостоятельное войско под названием Уссурийского¹.

Из этих сведений очевидно, что соблюдался определённый «сословный подход» к размещению поселенцев. При этом для наиболее «значимых» сословий предусматривались преференции и льготы. Например, в распоряжение Уссурийского казачьего войска в конце XIX в. государством было выделено 9 млн. десятин лучших земель, на которые не допускались крестьяне-переселенцы².

Вновь актуализировало значение казачества в защите интересов государственной безопасности в пограничном пространстве строительство Сибирской железной дороги. В связи с чем 3 июня 1894 г. было принято решение государственного совета «О заселении казаками пограничной полосы Приамурского края». Складывался, как отмечено в историографической работе Я.А. Барбенко «ярусный принцип размещения русского сельского населения Дальнего Востока: приграничные территории заселялись казачеством, а удалённые от границы места подлежали крестьянскому заселению»³.

Актуальность этнического вопроса в геополитическом противостоянии России и Китая на Дальнем Востоке подтверждается и «зеркальными» миграционно-демографическими мерами «Поднебесной». Пограничная с Приморской областью полоса Маньчжурии во второй половине XIX в. усиленно колонизировалась Китаем. И.Л. Экарева небезосновательно формулирует конкретно-исторические задачи российской власти в этнополитической сфере для отмеченного периода и региона: «Считалось необходимым разредить население национальных окраин “русским элементом”, минимизировать превентивными мерами инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи»⁴.

Не допуская предпосылок к созданию малонадёжных в политическом отношении нерусских диаспор, российское государство с 1881 г. ограничило возможность заселения приграничных с Китаем территорий в Приморской области «иностранными». Речь шла о маньчжурах, китайцах, корейцах. Последних вследствие активизировавшейся с начала 1860-х гг. миграции из Кореи в Южно-Уссурийском крае в 1870 г. было уже 9000 чел.⁵ Считая поселенцев данной этнической группы крайне ненадёжными в политическом отношении, российское правительство не раз поднимало вопрос о выселении «инородцев» во внутренние регионы, но соответствующее решение не было принято.

Аналогичные мнения на рубеже XIX–XX вв. существовали и в отношении забайкальских бурят. Представители указанного этноса также считались политически неблагонадёжными, что обуславливало нежелательность их присутствия в пограничном пространстве. И «в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения во внутренние губернии империи забайкальских бурят, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники «желтой расы»⁶.

Приведённые сведения показывают, что в социальной структуре столь отдалённого от центральной части страны региона необходимо было создание русского демографического базиса. Посягательства на активно укореняющейся в Приамурье и Приморье политический строй России в рассматриваемый период были возможны не столько со стороны местного населения, сколько от приграничного «соседа» Китая. Но и в том, и в

¹ Кирьяков В.В. Указ. соч. С. 171.

² См.: Простакишина Н.П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. – начале XX в. // История и археология: материалы междунар. науч. конф. (г. С.-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 54–58.

³ Барбенко Я.А. История изучения прошлого русского крестьянского расселения в Приморской области во второй половине XIX в. // Тихоокеанская Россия: опыт прошлого – взгляд в будущее: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке (2–4 марта 2009 г.) / Общ. ред. Н.А. Беляева, Д.А. Литошенко. Владивосток: Мор. Гос. ун-т, 2009. С. 48.

⁴ Экарева И.Л. Указ. соч. С. 98.

⁵ См.: Кирьяков В.В. Указ. соч. С. 300.

⁶ Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 221.

другом случае русификация Дальнего Востока, усиление состава казачьего сословия в регионе становилось позитивным фактором в сфере реализации интересов государственной безопасности.

Русификация присоединяемых к державе территорий проводилась и на западных «национальных окраинах». В конце XVIII в. значительно пополняются русским населением присоединённые к Российской империи молдавские земли. Связано это было в первую очередь с перемещением на указанную территорию донских казачьих полков, приоритетной задачей которых была охрана границы с Польшей от Дубоссар до Ягорлыка. Южнее под Бендерами (после взятия Бендерской крепости в ноябре 1789 г.), а также между Днестром и Бугом были основаны несколько казачьих станиц черноморских казаков.

Процесс русификации в западных территориях, как и в случае восточных «национальных окраин», активизировался в периоды активного противодействия российской власти со стороны коренного населения. Так, после подавления польского восстания 1830–1831 гг. гродненский губернатор М.Н. Муравьев предложил в Белоруссии усилить местный управленческий аппарат русскими чиновниками с предоставлением им и русским дворянам определенных льгот, а также развивать в регионе «русское земледелие»¹. В начале XIX в. ряде белорусских губерний предусматривалось обязательность председательства в управах русских, при этом русскими должны были быть и не менее 50% служащих по найму (агрономы, врачи, учителя).

На Северном Кавказе «заселение присоединённых земель выходцами из Центральной России, начатое с появлением в XVI в. казаков на берегах Терека, приобрело во 2-ой половине XVIII в. массовый характер»². Жизнь переселенцев в этом краю была трудной и опасной, поэтому необходимость миграции подкреплялась различными преференциями и льготами от государства. Например, за приезд на Кавказ чиновнику (а в них был особый дефицит) «давался чин коллежского ассесора, равный майору в военной табели о рангах, ... чиновники получали дополнительное денежное поощрение, право на получение ордена св. Владимира 4-й степени, пенсии и пр.»³.

Следует добавить, что территории, в особенности присоединяемые военным путём, в первую очередь заселялись казачеством и другими «служилыми людьми». Роль этой первой волны русских переселенцев, как пишет историк В.В. Кирьяков заключалась в первую очередь в «закреплении отдельных пунктов [в Сибири – Л.К.] за Россией, в подчинении местных инородцев и открытии, таким образом, новых мест для мирной колонизации страны земледельцами»⁴.

Даже иностранные авторы, изучавшие Россию в XIX в., отмечали масштабные миграции казачества, как особенность российской экспансии. Например, американский исследователь Г. Кеннан фиксировал: «Всякий раз, когда русское правительство считало нужным оградить какую-нибудь границу от вторжений или грабежей туземных инородцев, оно заставляло переселиться в эти местности несколько тысяч казаков»⁵. И только вслед за казачеством новые территории Российской империи заселялись и представителями других сословий.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что во многом государственная миграционная политика России, как и политика в отношении аборигенного населения присоединяемых к державе земель была эквивалентна политике других колониальных держав. Однако, в отличие от их колониальной практики, спустя несколько десятилетий после приобщения новых земель к империи, говоря словами сибирского летописца П.А. Словоцова, «и русские, и племена подвластные начинали считать себя принадлежащими к одной великой семье»⁶. Такой результат территориальной экспансии России достигался благодаря последовательным этноинтеграционным процессам, происходившим преимущественно под управлением государства. Однако это тема отдельной научной работы.

В качестве выводов, как представляется, можно выделить следующее:

- присоединение к России новых земель неизменно приводило к тому, что приграничье приобретало многонациональный характер с преобладанием нерусского населения. Закрепление же российской власти в таких землях требовало увеличения доли русских жителей;
- значительную роль в снижении деструктивного для политической системы России потенциала в её вновь образуемых пограничных пространствах сыграло перемещение на них русского населения;
- организация заселения приграничных регионов имела определённую сословно-территориальную систему и «профессиональную» очерёдность. Данные установления предусматривали заселение приграничья в первую очередь и преимущественно казачьим сословием, затем уже представителями других социальных групп.
- «политически неблагонадёжные» переселенцы не должны были селиться в приграничных землях. Определённые ограничения подобного же характера периодически вводились и для целых этнических групп, которые могли быть «заподозрены» в политической неблагонадёжности;
- территории с уже сложившимся прочным этнодемографическим базисом и укоренившейся системой российского управления сами становились «донором» людских ресурсов для колонизации вновь приобщённых к державе «национальных окраин»;
- показательно, что в рамках миграционной политики России украинцы и белорусы рассматривались в качестве консолидированной с великороссами основы колонизации Сибири и Дальнего Востока;
- достижение поставленных этнодемографических целей в присоединённых к России землях, а также изменение экономических условий периодически отражались на организации миграции. Государство нередко ограничивало её, что, однако не касалось тех приобщённых к империи территорий, которые оставались приграничными.

¹ См.: Четыре политические записки графа М.Н. Муравьева-Виленского // Русский архив, 1885. № 6. С. 186.

² Российский Кавказ. Книга для политиков / Под. ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформарготех», 2007. С. 34.

³ Национальные окраины Российской империи...

⁴ Кирьяков В.В. Указ. соч. С. 26.

⁵ Кеннан Г. Сибирь! Перепечатка со 2-го Берлинского издания. СПб., 1906. С. 70.

⁶ Словоцов П.А. Указ. соч. С. 108.

Таким образом, для надёжного и скорейшего закрепления присоединяемых земель и искоренения в них угроз государственной безопасности необходимо было распространение на них институтов государственного управления, размещение воинских контингентов, создание этнодемографической базы державы. Указанные условия реализовывались преимущественно благодаря сложной, но целенаправленной миграционной политике российского государства. Её опыт может быть востребован и в современных условиях, так как основные предпосылки к этнополитической дестабилизации пограничного пространства России имеют место и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
2. Барбенко Я.А. История изучения прошлого русского крестьянского расселения в Приморской области во второй половине XIX в. // Тихоокеанская Россия: опыт прошлого – взгляд в будущее: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке (2–4 марта 2009 г.) / общ. ред. Н.А. Беляева, Д.А. Литошенко. Владивосток: Мор. Гос. ун-т, 2009. С.45–58.
3. Будишев А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. 2-е изд. Т. 5: Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. Хабаровск, 1898.
4. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. Издание второе, дополненное / Под общ. ред. А.В. Возженикова. М.: РАГС, 2008.
5. Вахрушин С.В. Исторический очерк завоевания Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. С.18–79.
6. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929.
7. Государственная безопасность России: История и современность / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
9. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973. С.23–47.
10. Кеннан Г. Сибирь! Перепечатка со 2-го Берлинского издания. СПб., 1906.
11. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902.
12. Кристаллинский Л.Б. Государственная безопасность России в пограничном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С.132–146.
13. Ладвинский М.Ф. Переселенческое движение в России // Исторический вестник, 1892. Т. 48. № 5. С. 449–465
14. Манькин-Невструев А.И. Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки. Очерк. М., 1883.
15. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998.
16. Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 34–42.
17. Простакишина Н. П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. – начале XX в. // История и археология: материалы междунар. науч. конф. (С.-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 54–58.
18. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.
19. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
20. Складорова Т.В., Тукиш В.А. Педагогический аспект просветительской деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в контексте социокультурной обстановки в России в XIX в. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 2 (29). С. 74–93.
21. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 до 1742 года. М., 1838.
22. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Гардарики, 2005.
23. Тынянова О.Н. Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитическом процессе. Дисс. ... к.полит.н. М.: ПА ФСБ РФ, 2008.
24. Устав о сибирских киргизах, 1822. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fiimo.ucoz.kz/forum/7-61-1>.
25. Четыре политические записки графа М.Н. Муравьева-Вилenskого // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–197.
26. Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. С. 79–182.
27. Экарева И.Л. Из истории колонизации России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 1 (139). Экономика. Вып. 17. С. 95–103.
28. Bassin M. "Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century." *American Historical Review* 96.3 (1991): 763–794.
29. Leasure J.W., Lewis R. A. "Internal Migration in Russia in the Late Nineteenth Century." *Slavic Review* 27.3 (1968): 375–394.
30. Moon D. "Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897." *Historical Journal* 40.04 (1997): 859–893.
31. Posen B.R. "The Security Dilemma and Ethnic Conflict." *Survival* 35.1 (1993): 27–47.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Кристаллинский, Л. Б. Дореволюционная миграционная политика России как фактор реализации интересов государственной безопасности в полиэтничном пограничном пространстве / Л.Б. Кристаллинский // Пространство и Время. — 2014. — № 2(16). — С. 199—206. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provst_st2-16.2014.68